

НАША СТРАНА

Год издания 72-й. Буэнос Айрес, 18 августа 2020

“NUESTRO PAIS”

Buenos Aires, 18 de agosto de 2020

No 3132

О «ВРАНГЕЛИАДЕ» И РОМАНЕ АНТОНА ВАСИЛЬЕВА

К 100-ЛЕТИЮ БЕЛОГО ИСХОДА ИЗ КРЫМА

Фигура генерала П. Н. Врангеля, последнего главнокомандующего Русской Армии, стала олицетворением непримиримой борьбы с коммунизмом. Возглавив Белое Движение на юге России на последнем этапе вооруженной борьбы, он проявил себя как талантливый военачальник и государственный деятель, благодаря которому начала формироваться положительная политическая программа Белого Дела.

«Белая идеология» представлялась ему не простым антикоммунизмом, но почвенным мировоззрением необходимым для будущей Национальной России, в которой должно произойти объединение интересов всех классов и сословий российского общества как предпосылка для восстановления православной монархии. Увы, Белое Дело не смогло претворить в жизнь эту должную русскую идеологию из-за недостатка времени в период гражданской войны, из-за неизжитости смуты в народе и вследствие предательства Антанты.

Врангель был убежденным монархистом, как и подавляющее большинство его офицерства, но каждый раз, когда в его речах и приказах проскальзывала искорка этого убеждения - на него набрасывалась свора своих и “союзных” политиков, твердивших о несвоевременности монархической идеи: мол, европейские “союзники” этого не поймут, а без них в данный момент сопротивление невозможно.

Поэтому Пётр Николаевич не считал возможным конфронтацию в этом вопросе и “непредрешенчески” формулировал конкретные политические задачи своего правительства, очерчивая лишь намёками на “Русского Хозяина” свою приверженность русской исторической форме правления. Философ Иван Ильин определил эту государственную политику Врангеля такими словами: «И в близком, и в далеком он видел главное... Я изумлялся его способности жить и думать из русского национального инстинкта самосохранения».

Эти страницы истории Гражданской войны на юге России стали в жизни Врангеля временем наивысшего напряжения сил в попытке удержания “последней пяди русской земли”. Врангель – личность выдающаяся даже на

фоне других белых полководцев и вождей. Безумная отвага на поле боя сочеталась в нём с талантом полководца-стратега. И ему посвящён – поспевший как раз к 100-летию со дня Белого Исхода из Крыма – печатающийся отрывками в “Нашей Стране” роман Антона Васильева “Пётр Врангель”.

Надо признать, что сей труд оказался на редкость удачным. Хотя он ещё не издан, уже можно сказать, что книга состоится как событие в уделённой Чёрному Барону литературе. Сотрудник нашей газеты изображает его как рыцаря без страха и упрека, но одновременно гуманным, а не «застывшим в броне». Автору удаётся выпукло и ярко нарисовать портреты, живые диалоги, броские описания боёв, непрерывно идущих на протяжении большей части романа-хроники, думы и переживания самого Врангеля и тех, кто окружал его, – всё это художественно опирается на прочную фактическую основу.

Автор показывает нам чем был замечателен Врангель; он умел быстро приспосабливаться к менявшейся обстановке и отбрасывать взгляды и привычки, оказавшиеся негодными в условиях Гражданской войны.

Роман написан добротной, со знанием темы и литературным блеском. Читая его, чувствуешь в этом незурядном человеке ток высокого напряжения. Осязаешь как его психическая энергия насыщала окружающую среду, удивляешься лёгкости, с какой он нёс на себе тяжесть командования, которая не придавливала его, а наоборот, окрыляла. Понимаешь почему удержание Крыма стало делом граничащим с чудесным. Как образно отмечал писатель Аркадий Аверченко, врангелевская Таврида была «золотым брелоком на брюхе отощавшего людоеда»...

Труд Антона Васильева отличается художественными достоинствами, исторической достоверностью и освоением богатого документального и мемуарного наследия. Он ярко и выразительно рисует образ

генерала, повествует о победах и поражениях, передаёт тяжкий и скорбный путь белого воинства.

Мысли и переживания Врангеля и тех, с кем его сталкивала военная судьба, живые диалоги, яркие и достоверные описания боёв, колоритные сцены походной жизни — всё это не просто опирается на прочную фактическую основу, но и органично переплетено с авторским художественным замыслом. Автор глубоко погружает читателя в сложный внутренний мир главного героя. И читатель будто бы вместе с Врангелем участвует в тяжёлых боях его конницы, делит с ним победы и неудачи, находится рядом во время пребывания в тылу, где, увы, царили не подвиг и самопожертвование, а жажда власти и наживы, конфликты честолюбий и интриги.

В наши дни, когда появляются стаи псевдоисторических и «историко-фантастических» произведений, поверхностных и малохудожественных, особенно отраден факт создания этого необычного романа. Яркий и человечный образ барона Петра Николаевича Врангеля, этого рыцаря белой идеи, в бурном кровавом потоке Гражданской войны — большой успех историка-писателя-поэта Антона Борисовича Васильева.

Сам автор считает роман «синтетическим», то есть он — частично художественное произведение с чисто писательскими приёмами показа природы, героев и действительности, но в то же время — это и журналистское исследование, призванное рассказать, например, о природе Русско-Японской или Великой войны с его точки зрения.

Для большей достоверности он широко вводит в текст документы военных архивов, упоминает труды историков, мемуаристов и краеведов. Иными словами, роман — «слоёный пирог» из документов, исторических свидетельств и писательского вымысла.

Скажут, Врангель не добился победы. К сожалению, да. На это было много причин. Не последняя из

них — подземные враги в тылу. Но Врангель и не брал на себя задачу делать чудеса (хотя, конечно, истинное чудо — возрождение армии и семимесячная борьба за Крым). Так же мало собирался он въезжать на белом коне куда-нибудь. Надо не забывать его скромных слов: «Если мне не суждено спасти Россию, то найдется Иванов, Петров или Сидоров, которые отстоят её от большевиков и сделают свободной и счастливой». В том-то и была сила Врангеля, что выдвинут он был во главу армии молчаливой волей самой же армии и голосом общества, как когда-то Кутузов, а позднее Скобелев.

При острейшем недостатке патронов и снарядов, против красных, имевших 5 – 10-кратное превосходство, вёл Врангель свои конные части от победы к победе. Но нарастали его противоречия с Деникиным, дважды выбравшим неудачный стратегический план; разваливался тыл, где своекорыстие торговцев породило вакханалию спекуляции, а чиновная братия занималась казнокрадством и мздоимством; не было и полного лада с казачеством, борющимся пуще всего за сохранение своего добра и защиту своих границ от большевиков.

В Крыму Врангель предпринял много верных административных мер, упрочивших положение белых. Он так определил основную задачу деятельности своего правительства: «Не триумфальным шествием из Крыма к Москве можно освободить Россию, а созданием хотя бы на клочке русской земли такого порядка и таких условий жизни, которые потянули бы к себе все помыслы и силы стонущего под красным игмом народа». «Вот там у вас коммунизм, голод и чрезвычайка, а здесь идет земельная реформа, заводится порядок и возможная свобода...».

И. А. Ильин писал: «Все, кто над ним начальствовал, знали его стихию — требовательного служения, вдохновенного предвидения, ответственного и мудрого властвования. А соратники его знали ещё его пренебрежение к опасности и смерти, его бурную прямоту, его отвращение ко всякой интриге».

И наступит момент, когда Россия, на грани окончательной катастрофы, вскрикнет: «Как вы, русские, не предотвратили гибель врангелевской армии!»

Ведь не агонией Белого Дела была «врангелиада», а масштабным государственным строительством на территории крымского полуострова. Без Чеки, расстрелов, экспроприаций, и с продуманной аграрной политикой. Ведь «Остров Крым» (вспомним знаменитый роман Василия Аксёнова) мог бы выстоять в противостоянии с советщиной, явив миру уникальный пример государства оторванного от метрополии, как Тайвань.

Николай Казанцев

"КГБ И РПЦЗ"

Интернет-Собор дальше печатает записки подполковника КГБ/ФСБ В. Попова под названием «КГБ и РПЦЗ». Названием не адекватным, так как пока, на эту тему ничего не узнаём. Автор выписывает полные биографии, со всеми подробностями, годами, дипломами, связями разных видных пост-советских олигархов, - явно чтобы отмежеваться от них. Видно, удалось ему сбежать не с пустыми руками, а успел захватить кое-что из своей многолетней прилежной работы в «органах». Или, более прозаично, просто выписывает из интернета? Но сенсационного в этих воспоминаниях пока ничего нет.

Всем понятно откуда и как разбогатели эти выскочки, в прошлом простые советские парни, в один миг ставшие не то что миллионерами, а миллиардерами — какими «честными методами» они достигли своего «завидного» благосостояния, которому ни один порядочный человек завидовать не станет.

Удивительно, что расписывая в деталях биографию Владимира Якунина и его Общества св. Андрея Первозванного, упоминающая даже о его деятельности в Швейцарии — автор ни словом не обмолвился о видном члене Михаиле Донском, который поплатился своей кафедрой за тесное общение с этим Обществом. Неужели наш сыщик ничего об этом не знает? Или умышленно молчит?

И почему все эти новоиспечённые бизнесмены политически относятся к правому флангу и громко исповедуют Православие? Неужели не нашлось ни одного принадлежащего к другой конфессии или же либерального, марксистского толка? Странно.

Это прямо, как на Портал-Кредо: все болящие и умирающие от Ковида-19 принадлежат к МП, а относительно Православной Церкви Украины, буквально ни одного случая за все эти месяцы пандемии не было отмечено в ленте новостей. Прямо чудо! Что значит правильная, святая юрисдикция — стбит может быть в неё записаться, чтобы быть невредимым?

Не могло тут не достаться А. Г. Дугину. Не будем особо защищать этого человека, виляющего в своих убеждениях, но скажем, что он далеко не из худших. Хотя бы настоящий интеллигент, с богатым образованием, дважды доктор, профессор МГУ, говорит на шести языках, крупный философ, социолог. Но, согласимся, у него огромный недостаток: он правых убеждений и к тому же их не скрывает. Зато, нас удивляет в нём то, что на старости лет он стал, если не с симпатией, то с пониманием относиться к злейшему извергу рода человеческого Ленину.

Куда понятнее нам был тот Дугин, который водил своего сына плевать на памятник Ильича. Но в этом он не исключение из общего правила. Сплошная каша в голове. Как те нео-монархисты, о которых пишет В. Попов: будто монархисты, но ярые защитники Гундяева! Понятно почему у нас мало общего с ними.

Автор-кагебист хорошо понял принцип КВД — Куда Ветер Дует. Очутившись на Западе, в Канаде, где хочет уютно прожизать, отлично понял, что куда надо дуть. Чересчур уж выслуживается перед идолом западной политкорректности!

**Протоиерей Герман
Иванов-Тринадцатый**

Граф А. Коновницын

СЫН ПОЛКА И ЧУДО-БОГАТЫРИ

Спите орлы боевые, вы заслужили родные, славу и вечный покой.

В старое доброе время, когда была Святая Русь и три копейки стоил гусь и царствовал принцип «с миру по нитке-голому рубашка», была традиция в славной Царской Армии брать на воспитание детей оставшихся круглыми сиротами, в том полку где служил их отец. Если каждый солдат даст по копейке, этого будет достаточно для пропитания и воспитания в военном духе такого сироты.

Кроме того, наши Императоры щедро помогали многим неимущим оплачивая им обучение за свой собственный счёт. Наш Государь-Мученик в особенности отличался этим свойством.

Таким воспитанником своего полка и стал Виталий Николаевич Смолинский - круглый сирота, не знавший материнской ласки и забот отца.

Мне было 13 лет когда я с ним познакомился в городе Равенсбурге, а ему тогда было около 60-ти.

Сразу бросилась в глаза его военная выправка и причёска «под бобр», коротко остриженные волосы и блестящий глянец от чёрных полуботинок. Роста он был выше среднего, пропорционально сложен и был обладателем зычного баса. Находясь «на реках Вавилонских», Виталий Николаевич был постоянным певчим церковного хора, и не прекращал петь и славить Творца: «пою Богу моему дондеже есмь».

«Будь верен до смерти, и дам тебе венец жизни», сказал Господь Бог. Виталий Николаевич с честью пронёс это знамя верности как полковую святыню через всю свою жизнь будучи преданным сыном Царской России. Усопший был большим русским патриотом, благоговейно чтущим священную память Царя-Мученика и Его Августейшей Семьи. Ему любя была наша героическая история, особенно военная, и наше славное бытие.

*Два чувства дивно близки нам
В них обретаёт сердце пищу:
любовь к отеческим гробам
Любовь к родному пепелищу;
Земля б была без них мертва,
Без них наш тесный мир - пустыня,
Душа - алтарь без божества...*

Этот сгусток пушкинских стихов в полной мере отражает, как в зеркале, духовный мир воина Виталия Николаевича Смолинского, его чувство грусти и скорби о потерянной Отчизне, которую ему пришлось оставить с оружием в руках, попав за границу.

Сему русскому воину удалось отыскать кладбище, на котором были похоронены суворовские чудо-богатыри, - эта его личная заслуга достойная всеобщего уважения!

Место находится в Вайнгартене, примерно в десяти километрах от Равенсбурга, где были похоронены умершие от ран в больнице местного католического монастыря суворовские гренадеры.

В Французской зоне было достаточно историков, знавших о знаменитом Швейцарском походе Суворова, но они с этой задачей не справились, для них это был сказочный лабиринт - здание с одним входом и множеством галерей, комнат и запутанных переходов с дорожками; они

не учли, что из лабиринта без белой ниточки не выйти.

Вдобавок ко всему сказанному заметим, что Виталий Николаевич Смолинский по своей внутренней моральной силе, по своему воинскому духу, приближался к чудо-богатырям - он был им сродни.

Отступление десяти тысяч Ксенофонта и альпийский перевал Ганибалла, взятых вместе, можно сравнить с Швейцарским походом фельдмаршала Суворова - эти оба похода рассматриваемые в целом, уступают его Швейцарскому переходу через Альпы.

Недаром бывший контрабандист Массена из славной плеяды маршалов Наполеона Первого, не раз говорил, что отдал бы все свои победы за один этот Суворовский поход!

Тринадцатого сентября 1799 года Суворов у Сен Готарда разгромил дивизию Лекурба, а днём позже совершил свой знаменитый переход через Чортов Мост, форсировав клочоктавшую и бурлящую Рейссу, что привело в ужас даже наших врагов - французов.

Достигнув озера Четырёх Кантонов Суворов ещё лишний раз мог убедиться в вероломстве нашей союзницы Австрии, утаившей от фельдмаршала что дорог на Швиц просто не было. Армия Суворова очутилась в капкане. Она насчитывала 20.000 ратников при 25-ти горных пушек. Сказался также недостаток вьючных животных - мулов, которых Австрия обязалась поставлять для переправки припасов.

Александр Васильевич приказал идти вперёд по крутым ледяным козым тропам до Глоруса и Кенталя, в то время как арьергард Розенберга должен был прикрывать этот маневр от армии Массена, идущей от Швица к Муттенской долине.

Доблестный арьергард Розенберга разгромил в Муттенской долине в два раза сильнейшую армию Массены, едва не попавшего к нам в плен.

От Гларуса начинается самый страданный путь этого изумительного похода через Альпы, ибо чудо-богатырям Суворова пришлось карабкаться чуть ли не ощупью по обледенелым кручам, обрывам и крутизнам над зияющими пропастями, в которые многие падали.

Превосходство французов по сравнению с русскими силами при переходе Суворова через Альпы было трехкратным. В Гларусе Суворов узнал о разгроме корпуса Корсакова Массеной при Цюрихе, чему виновен был эрцгерцог Карл, которому Суворов писал: «За кровь пролитую под Цюрихом, вы ответите перед Богом!»

Девятнадцатого сентября 1799 года Суворов, преодолевая холод, голод и целый ряд других лишений, привёл свою армию в Баварию. В строю с трудом можно было насчитать пятнадцать тысяч воинов - остальные были убиты, разбились, или замёрзли, а около четырёх тысяч были ранены.

Союз с вероломной Австрией, действующей путем обмана, был расторгнут. За свой изумительный поход через Альпы Суворов был возведён в чин генералиссимуса, удостоился титула Князя Итальянского и было повелено воздавать ему царские почести даже в Высочайшем присутствии.

Виталий Николаевич Смолинский был скуп на слова, и не любил о себе много говорить. Но однажды, - это было у нас за

ужином, - и при надлежащей выпивке, вот что он сообщил.

Служил он в Энском полку на германском фронте во время Первой Мировой Войны. Вдруг как по мановению волшебной палочки неизвестно откуда, появился всадник одетый в казачью форму, довольно громко кричавший, что скачет лавиной германская кавалерийская дивизия. А дивизия даже мирного времени имела около 10.000 сабель. Началась паника - кто куда. Тогда Виталий Николаевич из примерно 150-ти смельчаков построил каре - четырёхугольник для отражения атак со всех сторон.

«Да, были люди в наше время, не то что нынешнее племя, богатыри - не вы. Плохая им досталась доля, немногие вернулись с поля...» (М. Ю. Лермонтов).

Всадник переодетый в казачью форму оказался немецким шпионом сеявшим панику среди уже разложившейся русской армии, которая большевиками была доведена до такого плачевного состояния.

Митрополит Серафим Берлинский и Германский (Ляде) возглавил торжественное освящение памятника павшим суворовским героям, в сослужении духовенства прибывшего из близлежащих городов. Высокопреосвященный Митрополит Серафим по крови был немец, но учился в Царской России и прекрасно говорил по русски, выражаясь литературным языком. Но при этом говорил с сильным немецким акцентом. Иерарха постигла трагическая кончина: его нашли задушенным при открытом окне в его келии.

Из всех зон полуголодной Германии, кроме как из советской, потекли обездоленные судьбой русские люди в Вайнгартен на Суворовские Торжества, где они смогли преобрести покой от щемящей душу тяжкой повседневности.

Не забудем, что в те далекие времена по инициативе Черчиля, Рузвельта и сподручных французов, буйствовала репатриация в СССР - вплоть до 1949 го года, когда Германия стала подниматься при Аденауэре. За русскими гонялись как за котиками (морское ластоное животное с ценным мехом) в угоду Сталину, стоявшему по горло в русской крови. Эта патриотическая манифестация, этот национальный всплеск, проявленный на Суворовских Торжествах, когда разведчики и сокола с развёрнутыми национальными флагами прошли церемониальным маршем по улицам Вайнгартена, убедил многих, что они являются частью великого русского народа, с его героической историей и самобытной православной культурой.

Не прошло и года после кончины Виталия Николаевича, как его вдова мне позвонила. Оказалось, что Марина Юрьевна нашла записку в которой усопший мне завещал свое ружьё со штыком и пулями времени Первой Мировой Войны и Гражданской. Я храню его как зеницу ока. Марина Юрьевна Ковалевская, по мужу Смолинская, тоже была замечательным человеком. Она - вторая жена Виталия Николаевича после того как тот овдовел.

Так помяни, русский человек, где бы ты не обретался, раба Божия воина Виталия, этого доблестного, мало кому известного русского воина нашего нашедшего упокоение на чужбине.

Австралийские встречи Михаила Спасовского

(фрагмент готовящейся к печати книги «Nostalgia в Сиднее» - о сотруднике "Нашей Страны")

Вскоре по прибытию в Сидней - уже 25.8.1956 - М. М. Спасовский делает «коммерческое» предложение Ю. П. Миролюбову: «Глубокоуважаемый Юрий Петрович, - с благословения нашего Епископа Саввы я принял на себя представительство по распространению здесь церковной литературы, которую буду продавать по воскресениям на воротах Архиерейского дома - в непосредственной близости от нашего Кафедрального Собора (в гор. Стратфилде). Тут же я получил право продавать и наши национальные русские эмигрантские газеты, журналы и книги. Буде уместно, могу продавать и Вашу «Жар-Птицу». В положительном случае прошу высылать мне «Жар-Птицу» с июльского N-ра в количестве пока только десяти экз. и указать условия продажи и расчёта с вами».

Данное коротенькое письмо обнаружено на последней странице копии рукописи статьи Михаила Михайловича «О Соборном начале», хранящейся в настоящее время в Архиве Гуверовского Института Стэнфордского университета (США) в Фонде Ю.П. Миролюбова.

Содержащаяся в письме информация о распространении Михаилом Михайловичем церковной литературы и эмигрантской периодики подтверждается воспоминаниями капитана 2 ранга ВМФ Австралии в отставке, писателя, русского эмигранта Георгия Михайловича Некрасова. Отвечая на вопрос редактора газеты «Единение» Владимир Кузьмина: «В ваших книгах немало морских историй о морском флоте России начала прошлого века. Откуда вы берёте материалы?», офицер сказал: - Должен признаться, что мне повезло. В первый раз оказавшись в Сиднее, я пришёл в собор, а после литургии зашёл в книжный киоск, который тогда содержал М.М. Спасовский. Рассказал, что слышал, в Сиднее имеется кают-компания офицеров Императорского Флота. И тут же познакомился с одним из них. Потом получил приглашение на встречу, а там и сам был принят в члены. Потом старался не пропускать их встреч...

В электронном письме автору сего сочинения от 23.5.2014-го Некрасов поделился некоторыми подробностями о давно минувших днях:

«С Михаилом Михайловичем я был знаком, но не близко... Мне он запомнился как худощавый, всегда опрятно одетый и подтянутый среднего роста господин в очках. Говорил всегда ясно и чётко, за словом в карман не лазил. У нас были общие знакомые, главным образом члены Кают-компании офицеров Р.И.Ф. Они подтвердили мои впечатления о твердых монархических убеждениях Спасовского. Всегда был осторожен в своих высказываниях и его слова были вескими. Русская жизнь в Сиднее очень часто была спокойной и отличалась ненужной грызнёй как личностей, так и организаций (включая церковные приходы). Я не помню никаких разговоров о каком-либо участии М.М. Спасовского в этом».

Поистине бесценны воспоминания очевидца! Светлая память Георгию Михайловичу Некрасову, покинувшему земной мир в 2016-м...

Как видим, с первых дней в Сиднее жизнь Михаила Михайловича тесно связана с православной церковью, кафедральным Свято-Петропавловским собором; Спасовского вдохновляют под-

вижничество, чистота помыслов и духовная энергия епископа Саввы.

... В один из весенних (для Австралии!) дней второй половины сентября 1956-го года, ближе к вечеру, Михаил Михайлович побывал у епископа Саввы в Стратфилде. Контекст и содержание вскоре написанной статьи («Русские Монастыри в Австралии: Письмо из Сиднея», в газете «Наша Страна» от 25.10.1956) свидетельствует, что уже не раз приезжал Спасовский к владыке, всегда переживая светлое благостное настроение от общения с праведным пастырем.

Тихо и уютно в кабине вл. Саввы, хотя, наверное, тесновато, однако и самая теснота вызывает почтение: дело в том, что владыка передал свой двухэтажный архиерейский особняк для нужд епархиального управления и священнослужителей кафедрального Собора Св. Петра и Павла, оставив для собственных трудов и отдыха лишь одну комнату. Письменный стол, заваленный рукописями, книгами, журналами, письмами; рядом - еще один стол, поменьше, овальный, на котором среди деловых бумаг уместилась и пишущая машинка... Есть и третий столик, плотно придвинутый к стене, - он посвободнее, но так и должно быть: на нем - иконы, лампадка теплится... А вот замечательные шкафы с печатными сокровищами - всегдашняя улада для взора страстного книжника Спасовского!..

Как что-то необязательное в этом мире духовной мысли и нравственного подвижничества - скромная кровать правящего епископа, она словно приютилась у дверей, напоминая, что и отдых иногда необходим труженику Савве...

Непрерывные спутники беседы - хлеб и чай; Михаил Михайлович помогает хозяину освободить на столе уголок для трапезы... Предстоящий разговор - о первых русских монастырях, создающихся близ Сиднея. Несколько дней назад, 16 сентября, в будущем мужском монастыре Кемпбеллтауна впервые совершили Божественную литургию (в приспособленном для службы гараже!), а затем освятили место для временной церкви и дома для братии. Спасовский сетует, что ему не удалось побывать на торжестве, и ловит каждое слово пастыря.

- Да, вы потеряли многое, - сочувственно соглашается вл. Савва. - Живописен городок Кемпбеллтаун, расположенный в 23-х милях от Сиднея, живописна слегка холмистая местность под созидающийся там мужской монастырь. Участок земли под него, в размере 21 акра, подарен епархии протодиаконом Св.-Петропавловского Собора в Сиднее о. Петром Гришаевым...

Имя отца Петра хорошо знакомо Спасовскому, уже больше года являющегося прихожанином собора!.. Наслышан Михаил Михайлович и о протоиерее Ростиславе Гане, под чьим руководством с помощью Божией в Кабраматте буквально на пустом месте рождается женская обитель - уже появился дом для престарелых (вл. Савва, не называя имён дарителей, говорит о крупных пожертвованиях - по тысяче паундов! - «двоих русских»), заложен храм в русском стиле... А вот информация о первых насельниках обителей - совсем свежая!..

- Пока четыре человека, - сообщает владыка о «первопроходцах» мужского монастыря, - иеромонах о. Димитрий (Обухов), приехавший из Харбина, и три послушника -

Михаил Сорокин, слесарь-механик, затем Алексей Плонин, плотник и Иоанн Бойко, прекрасно знающий немецкий и английский языки. Иеромонах Димитрий назначен экономом-строителем и духовником братии. Настоятельство оставлено за правящим епископом. Хлопочу сейчас о прибытии в Австралию еще одного лица с монашеским опытом и стажем, чтобы разгрузить иеромонаха о. Димитрия и предоставить ему большую возможность руководить хозяйственно-экономической деятельностью завязывающегося монастыря.

С радостью душевной поведал владыка Савва своему гостю и о значении женской обители:

- Нас Бог благословил принять из Богородице-Владимирского монастыря в Харбине монахиню Елену, одно время исполнявшую там обязанности настоятельницы. С ней приехала послушница Татьяна, - вот они и стоят непосредственно у организации женской обители, которую предположено назвать «Новое Шамордино». Уже имеются желающие вступить в этот монастырь. Намечается открытие при нем иконописной мастерской, что очень важно для Австралии, ибо нужда в иконах у нас большая...

Для полноты картины добавим более поздние сведения, имеющиеся в нашем распоряжении: когда 29.11.1957 прибывший из Гонконга пароход «Анкин» высадил в Сиднее 175 русских эмигрантов, мужской монастырь «Во имя Всех Святых» в Кемпбеллтауне принял и разместил в специально подготовленном бараке семь семей (почти двадцать человек), а женский монастырь «Новое Шамордино» в Кабраматте - двенадцать человек...

Возможно, Михаил Михайлович был лично знаком с прихожанином собора Святых Петра и Павла Георгием Радионовым - человеком, видимо, состоятельным и влиятельным, поскольку, как упомянул епископ Савва, при содействии Радионова «... принимаются меры к получению от Австралийского правительства барачков, в которых будут размещены беженцы с Дальнего Востока».

... Одна проблема сменяет другую в задушевной беседе. Много забот у правящего епископа, важных дел, справиться с которыми нужно «прежде всего»!.. «Владыке идет седьмой десяток лет, но сколько бодрости, мужества, энергии в нем!» - мысленно восхищается Михаил Михайлович. Среди рукописей на столе - заметки к докладу Архиерейскому Собору, который в ближайшее время должен открыться в Нью-Йорке; в день приезда Спасовского владыка как раз работал над отчетом о деятельности и проблемах Австралийской и Ново-Зеландской епархии.

К слову сказать, в США вл. Савва не поехал - предпочел сэкономить невеликую епархиальную казну!.. Его письменный доклад 4.10.1956 (дата определена условно: со 2 по 4 октября Архиерейский Собор заслушивал, обсуждал и изыскивал меры «к дальнейшему устройению и укреплению епархий Русской Зарубежной Церкви в различных странах мира») зачитал епископ Никон Флоридский, и вот что узнали собравшиеся: «В епархии в настоящее время устраиваются - мужской и женские монастыри, производится организация молодежи в Св. Владимирские кружки, восстановлен ежемесячный печат-

ный орган «Церковное Слово», устроен Епархиальный Беженский Комитет, который работает в согласии с Австралийским правительством, обращено особое внимание на церковно-просветительную деятельность через устройство ряда церковных просветительных учреждений - церковных библиотек, церковных школ, епархиального музея, книжного склада, создано «Общество любителей русского церковного зодчества и иконописи», пополняется состав духовенства через новые рукоположения и прибытия некоторых ценных для епархии сотрудников, как, например, иеромонах Амвросий из Лондона. Даны ценные отзывы по вопросам о Положении Зарубежной Церкви, о церковном суде и руководстве для пастырей. Нуждается эта епархия также в пополнении духовенства и сотрудников для епархиального архиерея» (статья «Архиерейский Собор Русское Православной Церкви» в газете «НС» от 25.10.1956).

... Вот уже и сумерки, все гуще тени в саду за окнами кабинета вл. Саввы - пора прощаться!.. Православное лобзание, напутственное благословение, низкий поклон почтительного гостя...

Живительными, вдохновляющими были такие встречи для Михаила Михайловича!.. «Воистину, русская сказка еще не окончена, - умирительно думалось Спасовскому по дороге в Сидней. - Воистину, чудны дела Твои, Господи, - в немощах они совершаются».

В том же 1956-м по инициативе владыки Саввы в Сиднее было организовано «Общество любителей русского церковного зодчества и иконописи» - в докладе для Архиерейского Собора о нем упомянуто!..

Целями нового очага культуры и духовности стали изучение русского православного церковного искусства, сохранение национально-церковных традиций, всемерное содействие культурному познанию и проведению в жизнь епархии истинных основ русского православия.

На организационном собрании 8 декабря, посвященном открытию Общества, владыка Савва в приветственном слове отметил, что главная задача создаваемой организации «заключается в том, чтобы собирать русские культурные силы около нашей Православной Церкви и их усилиями помогать святому делу бережения в чистоте и неповрежденности исторических русского храмостроительства и иконописи».

Словно комментируя позицию епископа, Спасовский в газетной статье пояснил, что в епархии «... созрела потребность навести порядок в здешнем нашем храмостроительстве и поднять здешнюю иконопись до надлежащей высоты понимания ее канонов, ее древней красоты, ее единственного своеобразия и утвердить бережение всего нашего богатства и самоцветного исторического церковного достояния. Постоянная связь Владыки Саввы и членов Общества любителей русского церковного зодчества и иконописи с другими культурными очагами ценителей и ревнителей русского церковного искусства дает возможность здешним культурным общественно-церковным кругам иметь под рукой тот материал, который помогает нашу церковную жизнь в плане ее внешнего благолепия блюсти в чистоте и неповрежденности, и тем спасать ее от неуместной модернизации и недопустимой, очень часто глубо-

ко невежественной отсебятины» (из статьи «Любители церковного искусства», опубликованной в "Нашей Стране" от 24.1.1957).

Присутствовавшие на собрании единогласно избрали Правление Общества в составе художника В.П. Загороднюка, педагога П.А. Казакова, инженера П.М. Перехриста, архитектора М.М. Спасовского. Так что названные лица, безусловно, входили в круг «австралийского» общения Михаила Михайловича!..

Не исключено, что Платона Аркадьевича Казакова Спасовский мог знать еще по Китаю. Известно, что Казаков закончил курсы английского языка и Юридический факультет в Харбине, работал в библиотеках КВЖД и Русско-Китайского техникума (последней даже заведовал!), в 1945-м переехал в Мукден, через какое-то время - в Пекин... В Сиднее он поселился в 1956-м - преподавал русский язык, занимался научными переводами, активно помогал в работе русских литературных кружков, стал одним из основателей журнала «Церковное Слово»... Жизненный путь П.А. Казакова завершился здесь же, в Сиднее, в 1966-м году.

В 1949-м переехал в Австралию скульптор, художник театра Владимир Павлович Загороднюк (родился в Одессе 31.5.1889). Выпускник Одесского художественного училища, в 1910-1913 гг. осваивал мастерство скульптора в Национальной школе изящных искусств в Париже под руководством А. Мерсье; после учёбы вернулся в Россию, участвовал в Первой Мировой войне... В эмиграции Владимир Павлович с 1920-го - жил в Белграде, работал художником-декоратором ...

Мы располагаем более чем скудными сведениями о П.М. Перехристе. В цитируемой выше статье Спасовский представляет его как заведующего музеем «Уголок Русской старины» при Епархиальном Управлении. Полагаем, речь идет о Петре Моисеевиче Перехристе, прапорщике, участвовавшем в Первой Мировой войне, получившем ранение... В Сиднее Петр Моисеевич был председателем Австралийского отдела Общества любителей военной старины, редактировал выходящее под таким же названием приложение к журналу «Русский в Австралии» (1955-1961 годы).

Думается, что Правление Общества любителей русского церковного зодчества и иконописи работало в тесном сотрудничестве и со Строительно-Художественной, и со Строительной комиссиями, организованными при Епархиальном Управлении опять же по инициативе неутомимого владыки Саввы.

В задачи первой комиссии входило рассмотрение и утверждение всех проектов по храмостроительству в Австралии и Новой Зеландии, а вторая - «курировала» постройку мужского монастыря в Кемпбеллтауне, работу участвовавших в строительстве хозяйственных служб. В любом из названных направлений архитектурный опыт Спасовского был не лишним!..

В. А. Возчиков,

доктор философских наук,
профессор,

член Союза Писателей России
(г. Бийск, Россия)

Контр-Адмирал К. П. Иванов-Тринадцатый

Воспоминания «РЮРИКЪ»

12

Бой 1-го августа

27 июля 1904 года вечером, совершенно неожиданно для нас, от вернувшихся с последней шлюпкой с берега, узнали, что был сделан сигнал Адмирала: «Приготовиться к походу». Мы ещё как следует не отдохнули от последнего плавания в Тихом Океане и только что закончили погрузку угля и приёмку провизии и материалов. Но такая срочность приготовления к походу никого не удивила, хотя на берегу и не было никаких предварительных сплетен, обычных спутствующих наш каждый выход в море и сообщаемых под большим секретом кем либо из молодёжи вращающейся около матерей командирш и ухаживающих за отрядными дамами.

Вероятно, думали мы, получены какие либо известия с наблюдательных постов, заставляющих совершить свой очередной набег и выполнить выработанную задачу в штабе Командующего флотом. 28-го июля, с рассветом наши крейсера: «Россия» под флагом Контр-адмирала Иессена, «Громобой» и «Рюрик» вышли в море через Амурский залив и пошли к югу.

После 8 часов утра и поднятия флага, у Адмирала взвился сигнал, который я помню дословно, так как стоял на вахте: «Наша эскадра вышла из Порт-Артура во Владивосток сражаться с неприятелем». Когда сигнал был разобран и стал известен, радостно-жуткое настроение овладело всеми.

Каждый сознавал, что этот поход не обратится в наш обычный набег с уничтожением беззащитного неприятельского населения, потоплением их пароходов и шхун, а что сейчас дело серьёзное и так или иначе, наша задача поддержать и выйти на подмогу Артурскому флоту, принуждённому покинуть осаждённую крепость. На адмиральском судне подняли молитвенный флаг и на крейсерах отслужили молебствие о даровании победы нашему оружию.

Так как в дальнейшем рассказе мне придётся часто упоминать те или другие фамилии, а также может быть некоторых интересует личный офицерский состав нашего крейсера «Рюрик», то я и приведу его с самого начала.

Командир: капитан I-ранга Трусов, жена и дочь были во Владивостоке.

Старший офицер: капитан II-го ранга Хлодовский, — очень серьёзный, образованный и начитанный офицер, в прошлом которого были тяжёлые воспоминания, связанные с разжалованием его из офицерских чинов в матросы по политическим делам увлечения молодости.

Старший артиллерийский офицер лейтенант Берх, только что за два дня до нашего выхода назначенный на крейсер, вместо заболевшего своего предшественника лейтенанта Бартошевича, списанного в госпиталь.

Второй артиллерийский офицер был я, но ввиду того, что лейтенант

Берх ещё не осмотрелся на крейсер, то на этот поход командир приказал нам поменяться в исполнении своих обязанностей по боевой тревоге; он должен был принять на себя часть артиллерии, я же управление огнём крейсера в центральном посту боевой рубки.

Минный офицер, лейтенант Зенилов, мой сверстник по выпуску из корпуса и сослуживец по Черноморскому флоту. Старший штурман, корпуса флотских штурманов капитан Салов, жена его была во Владивостоке.

Вахтенный начальник, он же командир 8» кормового плутонга, лейтенант Ханьков. Вахтенный начальник, он же командир центральной 6» батареи лейтенант Постельников.

Вахтенный начальник, он же командир 8» носового плутонга, лейтенант барон Штакельберг. Вахтенный начальник, он же помощник батарейного командира 75м/м батареи верхней палубы мичман Платонов. Вахтенный офицер, он же командир носового 6» плутонга мичман барон Шиллинг. Вахтенный офицер, он же командир кормового 6» плутонга мичман Ширяев.

Ревизор, он же заведующий боевой подачей погребов мичман Плазовский, мой соплаватель по Черноморскому флоту. Прапорщик запаса флота Ярмерштедт, при определении расстановки. Волонтёр на правах прапорщика Арошидзе для поручений по разным назначениям.

Трюмный механик мичман Тон, родной брат лейтенанта Тона, убитого на «Потёмкине» при возмущении в 1905 году.

Кочегарный механик мичман Маркович. Младший судовой механик Гейно (финляндского происхождения). Старший судовой механик, капитан II-ранга Иванов.

Старший судовой врач доктор Солуха, жена во Владивостоке. Младший судовой врач доктор Броншвейг (немецкого происхождения), неотразимый покоритель дамских сердец. Комиссар чиновник титулярный советник Круzman, он же при докторе при подаче первой помощи.

Шкипер, чиновник титулярный советник, Анисимов, седой старик, проплававший с юных лет и нижних чинов на судах военного флота, он же заведующий судовым имуществом и выдачей всевозможных материалов по боевому расписанию.

Священник, отец Алексей Оконешников, из бурят, монах какого-то упразднённого монастыря в Якутской области. Вольно-наемный капельмейстер не штатного оркестра из любителей матросов, еврейского происхождения, Ротенберг, с началом войны, не пожелавший нарушить контракта и уйти с «Рюрика», решивший разделить возможную его участь, по боевому расписанию при оказании помощи раненым. Комплект команды был 799 человек.

В этот раз, многие молились глубоко и искренно, как будто предчувствуя, что через четыре дня их земное существование может прекратиться, но каждый

надеялся в тайниках своих мыслей, что бой Артурской эскадры кончится в нашу пользу и наша задача будет в нужный момент усилить и поддержать израненных братьев своей свежей силой, ведь мы не могли знать о плачевных результатах боя 28-го июля.

Принимались в расчёт все возможности, а потому делались всякие приготовления к бою. Был спущен лишний рангоут с мачт, спущены стеньги и как раз при этой работе произошёл тяжёлый для нас в нравственном отношении трагический случай: отломился носок чака и угодил в голову одному из матросов на верхней палубе, убив его на месте. При суеверии моряков, такой случай, быть может, перед самым боем, казался плохим предзнаменованием и похороны в море этого первого нашего покойника оставили на всех тяжёлое впечатление. Затем было получено распоряжение Адмирала переставить в фугасных 6» снарядах дистанционные трубки на ударное действие и иметь таких снарядов до 400 штук. Работа сама по себе ответственная с выкатом тележек в батарейную палубу, заняла почти целый день.

Допуская предположения о возможности неудачи главного боя для Артурской эскадры, а лишь прорыва в японское море отдельных кораблей, мы днём перестраивались в строй фронта с интервалами до 50 кабельтовых между кораблями, чтобы увеличить возможно больше дальность видимого горизонта, чтобы не пропустить своих. К ночи мы вновь смыкались в строй кильватерной колонны. Таким образом мы шли к югу продвигаясь экономическим ходом вперёд и приближались уже к параллели Фузана, оставляя вправо остров Цусиму в 30-40 милях...

Ночь на 1-ое августа. Погода стояла совершенно тихая, тёплая, из-за духоты в жилых палубах большинство команды и офицеров спали в подвесных койках на верхней палубе, прилаживая их по способности. Я заступил на вахту в 12 часов ночи с моим помощником мичманом бароном Шиллингом. Сменив лейтенанта Ханькова с мичманом Платоновым. Ночь была тёмная и беззвёздная, но присутствия тумана не ощущалось. При сдаче вахты, лейтенант Ханьков передал мне, что часа два тому назад — по траверзу с левого борта, как будто был виден слабый огонёк и продержавшись недолго скрылся, вероятно какое-либо рыболовное судно. Наблюдение за горизонтом было весьма напряжённое и усиленно людьми с хорошим зрением, но эта-то напряжённость в море часто создаёт галлюцинацию зрения и нам иногда показывались воображаемые огни, но когда привлекались к рассмотрению наиболее глазастые люди, особенно сигнальный старшина нашей вахты, обладавший чуть ли не кошачьим зрением, то на проверку оказывалось, что это галлюцинация воображения и переутомлённого зрения.

(продолжение следует)